

она казалась такой хитрой—не может быть разумно объяснено никакой теоріей, потому что жизнь ея, проведенная въ томъ, чтобы одѣвать и раздѣвать актрисъ въ театрѣ, была не изъ такихъ, которыя способствуютъ развитію въ человѣкѣ хитрости.

Она рѣшила что-нибудь предпринять. Но что же именно?

Сначала она подумывала-было сказать что-нибудь такое молодому человѣку, что бы охладило его страсть. Но она понимала, что это очень трудно сдѣлать, и кромѣ того это, конечно, приведетъ къ разрыву съ Джуліей и навлечетъ головомойку со стороны м-ра Брадберри, котораго старуха побаивалась.

Затѣмъ она могла наказать чего-нибудь такого самой Джуліи, и уже пыталась сдѣлать это.

Наконецъ, она могла натравить родственниковъ молодого человѣка. Но она не знала, кто они такіе, и гдѣ живутъ.

Весь остатокъ недѣли ломала она надъ этимъ головою, но ничего не говорила до воскресенья утромъ, когда предложила внучкѣ помочь ей въ работѣ.

— Ты вѣдь знаешь, милочка,—заявила она съ порывомъ необычайной нѣжности,—что, когда у меня глаза не болятъ, я могу такъ же хорошо шить, какъ и бывало. Дай-ка мнѣ иголку и нитки; ты шей свое, а я свое. Не безпокойся о дѣдушкѣ. Пусть себѣ лежитъ въ постели, если ему это нравится. Ахъ! милочка, если все дѣло въ твоёмъ счастьи, то я вѣдь не прочь. Да! да! совѣмъ не прочь, если только онъ стоитъ тебя! Я съ радостью уступаю тебя ему. Вѣдь онъ приказчикомъ въ книжной лавкѣ, не правда ли?

Джулія кивнула головой.

— Скажите! вѣдь дѣдушка-то твой тоже всегда былъ на этой линіи. Тутъ видѣнъ какъ бы перстъ провидѣнія! А кто его родители, Джулія? Также книгопродавцы?

Она подняла на свѣтъ платье и критически оглядывала его, точно была поглощена этимъ занятіемъ и ей въ сущности не было никакого дѣла до родителей Джима.

Джулія, захваченная, такимъ образомъ, врасплохъ, рассказала, не подозревая ничего худого, все, что знала.

— И мать его,—заклчила она,—очень строгая и религіозная женщина; принадлежитъ къ обществу трезвости и не одобряетъ театра, не знаю почему. Поэтому, когда мы повѣнчаемся, я буду жить съ м-ромъ Брадберри, который обѣщаетъ удвоить мнѣ жалованье и я оставлю театръ. А до тѣхъ поръ она ничего не должна знать про театръ.

— Онъ удвоитъ тебѣ жалованье, говоришь ты? Ахъ! я всегда